

Саша Чёрный

Комариные мощи

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Комариные мощи

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986865

Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«Иван Петрович проводил глазами сверкнувший в зеркале острый профиль жены, посмотрел на ее стрекозиные ноги и вздохнул.

Дверь в передней хлопнула. Ушла...»

Саша Чёрный

Комариные мощи

Иван Петрович проводил глазами сверкнувший в зеркале острый профиль жены, посмотрел на ее стрекозиные ноги и вздохнул.

Дверь в передней хлопнула. Ушла...

Налил в стакан приехавшему из Нарвы земляку пива и ласково взял его за рукав.

Ему давно не хватало терпеливого слушателя, старомодного честного провинциала, который бы его до конца понял и посочувствовал.

Русские парижане, черти, обтрепались, – ты перед ними душу до самой печени обнажишь, а они тебе посоветуют нафталином самого себя пересыпать и в ломбард на хранение сдать...

Подметки последние донашивают, а туда же, перед модой до земли шапки снимают.

Самогипноз бараний...

* * *

– Вот вы мою Наташу по Нарве еще помните... Цветок полевой, кровь с кефиром. Прохожие себе по улицам шеи сворачивали, до того у нее линии натуральные были.

Плечики, щечки и тому подобное. Виолончель.

Хоть садись да пиши с нее плакат для голландского какао.

От первозданной Евы до пушкинской, скажем, Ольги традиция эта крепко держалась: мужчина – Онегин ли, Демон, Печорин – весь в мускулах шел, потому что мужчина повелевать должен. А женщина, благодарение Создателю, – плавный лебедь, воздушный пирог, персик наливной, – не то чтобы кость у нее из всех углов выпирала.

Рубенс, скажем, или наш Кустодиев, либо древнегреческий какой-нибудь нормальный скульптор – все это дело одинаково понимали. Венера так Венера, баба так баба, нечего из нее циркуль вытягивать, шербет на уксус перегонять. Только для одной Дианы исключение и допускалось, потому что ей для охоты одни сухожилия требовались.

* * *

– Или, допустим, как в русской песне: «Круглолица-белолица», «яблочко наливное», «разлапушка». Слова-то какие круглые были.

Народный вкус здоровый: баба жнет, она же и рожает. Кощеев бессмертных в хозяйстве не требовалось.

И плясали тогда не хуже теперешних, вес не мешал.

Не то что медведицей, легче одуванчика иная выходку сделает.

«Перед мальчиками хожу пальчиками, перед старыми

людьми хожу белыми грудьми...» Действительный статский советник и тот не выдержит.

* * *

– Или, к примеру, возьмем здоровый старый турецкий вкус.

В старых гаремах я не бывал, однако по открыткам и по Пьеру Лоти понятие себе составил. Усладу туда со всего света собирали. Туркам вина нельзя, поэтому они на пластику и набрасывались. Купола круглые, лунный серп круглый, ну и женщины соответственно тому. Зря им ходить не позволялось, чтобы плавность не теряли. Рахат-лукум внутрь, розовое масло снаружи. Красота...

Разлягутся вокруг фонтана – волна к волне льнет, волной погоняет. Дежурный евнух только нашатырный спирт от волнения нюхает... Аллах тебя задави!

Опять и царь Соломон, человек вкуса отборного, в «Песне Песней» довольно явственно указывает: «Округления бедер твоих, как ожерелье, сделанное руками художника». Стало быть, против пластики и он не ополчался, а уж на что мудрый был...

А теперь... Видали, что моя Наташа, на других глядя, над собой сделала? Начала гурией, кончила фурией...

«Для чего, – спрашиваю я ее, – ты себя так обточила? Смотреть даже неуютно. Трагические глаза в спинной хре-

бет вставила, – думаешь, мир удивишь...»

«А ты, – говорит, – пещерный человек, и не смотри. По-езжай в Лапландию, женись на тюленихе...»

Ах ты господи! Да есть все-таки приятная середина между комариными мощами и тюленихой. Крайность-то зачем?

И отвечать не хочет. Посмотрит мимо носа, будто ты и не муж, а плевательница облупленная – и точка.

Подкатился я как-то к ней в добрую минуту: ну скажи, Ната, ниточка ты моя, для кого это ты себя в гвоздь заостряешь? Не для меня же, надеюсь. Вкусы мои тебе с детства известны. А ежели, не дай бог, для других, – то где же такие козлы противоестественные, чтобы на твое плоскогорье любоваться стали?

Сузила она только глаза, как пантера перед прыжком... Два часа я потом у нее же, дурак, перед закрытой дверью прощения просил. На Шаляпина сто франков дал – простила.

* * *

– А сколько терпит?

Святой Себастьян не страдал столько. Appetit у нее старинный, нарвский.

И что же... Утром корочку поджаренную пососет, в обед два лимона выжмет, вечером простоквашей с болгарскими бациллами рот прополощет.

Ночью невзначай проснешься, выключателем щелкнешь: лежит она рядом, в потолок смотрит, губы дрожат, глаза сухие, голодные... Как у вурдалака.

Даже придвинешься к краю – как бы зубами не впилась.

А в чем дело? Хлеб толстит, картофель распирает, мясо разносит, молоко развозит...

Расписание у них на каждый продукт есть.

Да еще раз в неделю полную голодовку объявляет, для легкости походки. Ну, само собой, чуть голодный день – меня же и грызет с утра до ночи от раздражения.

А потом – то солнечное сплетение у нее под ложечку подкатывается, то симпатичный нерв перекрутится, то несварение желудка...

Будет он, дурак, варить, ежели ему, кроме лимонного сока да массажа, никакого удовольствия не доставляют. Опять же малокровие. Красные шарики с голодухи белые жрут, одна пресная сыворотка остается.

Головокружения пошли. Словом – полный преЙскурант. Паркет, говорит, под ней качается. Вполне логично: ежели женщина себя третий год в Тутанхоамона превращает, не то что паркет, мостовая под тобой закачается.

* * *

– Врачу говорю, который жену пользует:

«Хоть бы вы, ангел мой, повлияли. Тает ведь женщина без

всякой надобности, скоро один фитиль останется».

Пожал плечами, даром что приятель.

Станет он тебе влиять, ежели с этих несварений да головокругений ему в сберегательную кассу капает...

У самого небось жена из немок, кругленькая, смотреть даже досадно. Рыбьим жиром ее, поди, откармливает. Жулик паршивый!

* * *

– Дочка даже, тринадцатилетняя килька, туда же. Линию себе выравнивает... Всея провизии в ней на франк, какая там еще линия!

«Ты, – говорю, – чучело, растешь – тебе питаться во как надо. Я в твоём возрасте даже сырые вареники на кухне крал, до того жадный был».

Фыркнет, скажет что-нибудь французско-лицейское, чего ни в одном словаре нет, и отвернется.

«На кого, комариные мощи, фыркаешь? На отца?»

Мать за нее: не вмешивайтесь, пожалуйста. Я свою дочь не в кормилицы готовлю.

Кулебякой обломовской меня обзовет, маникюрную коробку возьмет и к окну королевой сядет. Нос да ключица – весь силуэт.

– На что уж тетка, почтенная, сырая женщина, против нас живет, паутиными дамскими принадлежностями в разнос торгует, – и та тоже за ними тянется.

Если уж наследственность располагающая и женщина в закатный возраст входит, само собой бока выпирают. В сейф их не сдашь. Природа.

А она – франков лишних на массажистку нет – сама себя рубцами резиновыми тиранит, в эластичные пояса до самого подбородка засупонила... Мона-Ванна из Аккермана.

А вместо приличной пищи сырую морковную шелуху ест: хлебчики себе какие-то специальные в подагрической лавке покупает: без муки, без дрожжей, вроде облаток на лунном масле.

Только и слышишь: сантиметра три, слава богу, за неделю спустила... Это трудовые-то сантиметры, которые в поте лица...

Складки-то у нее телесные без начинки вокруг шеи и обвисли: подбородок пустой, как у малороссийского вола, болтается: хоть не смотри... Для кого старается? Инвалид столетний и тот отвернется.

* * *

– И все на весы.

Чуть всей компанией в метро ввалимся, тотчас же в автоматическую дырку тетка монетки бросит и хлоп на весы инвентарь свой проверять. За ней жена, за женой дочка.

На одно колебание стрелка меньше потянет, так от радости и завьются... Живого тела сбавили. Стоило ради этого границу переходить.

Через год, поди, у эписьерки на весах взвешиваться будут: кило в полтора останется на каждую – не больше.

* * *

– А главный вопрос – я-то из-за чего страдаю? Кручусь, кручусь, как козел на ярмарке.

Кулебяку-то я свою насущную заслужил?

Придешь домой, носом потянешь: прежде хоть обедом пахло, а теперь одной голой пудрой...

Ради их эгоизма и я, извольте видеть, в факира превращаться должен. Вредно, мол, мне. В моем, мол, возрасте одной магнезией питаться нужно. Устрица я, что ли? Да и какой мой возраст? В сорок восемь лет человек только в аппетит входит, вкус настоящий получает. Древние римляне во

как в моем возрасте ели...

По ночам даже пельмени снятся, гуси с кашей мимо носа летают. Только одного за лапку поймаешь, ан тут и проснешься... Сунешься босой к буфету, а там только граммофонные пластинки да банка с магниезией, чтоб она сдохла!..

Конечно, я их голодающую женскую психологию понимаю: начни я в тесной квартире колбасу есть, – от одного запаха проснутся, душа у них захлебнется.

Не тиран я, чтобы близких людей мучить.

Ну, конечно, днем между делом в русской лавочке пирожков холодныххватишь и на мокрой скамейке съешь, как незаконнорожденный. Горько.

Стал я в рестораны ходить. Порции воробьиные, цены страусовые. Вместо домашнего уюта челюсти посторонние вокруг тебя жуют, торопятся, косточки прошлогодние обсасывают... Чокнуться даже не с кем, до того неприятные профили.

И на языке потом до самого вечера налет этакий жирный, будто ты лапландскую бабу вдоль спины лизал.

* * *

– Да-с. Мода. Кто и когда ее распубликовал, – спрости вдову неизвестного солдата... Я понимаю: ну, сезон, ну, два, но зачем же до бесконечности? На то она и мода, чтобы ее

контрмодой перешибить... На длинные платья перешли, почему бы на полновесность не перекинуться?

И слышать не хотят. Никогда, мол, назад к першеронам возврата не будет. У женщин, говорят, только теперь крылья и выросли... Грации, говорят, своей быстроходной мы теперь ни на какой рубенсовский балык не променяем...

А я так полагаю: ежели бы завтра шутники какие пропечатали, что модно щипцы для завивки в ноздре носить, – все дамы так оптом носы бы и продырявили. Уж мои-то первые, будьте покойны-с.

* * *

– И опять: почему портные, дураки, ее не отменяют? Сговорились бы с фабрикантами – модный манифест опубликовали, – и готово.

Ведь на полную даму и материи не в пример больше идет, и за шитье прикинуть можно: обтянуть кресло или диван – цена разная. Да и фермерам и лавочникам, посудите, какая прибыль, ежели полнаселения, вся женская часть после голодухи на натуральные продукты набросится!..

Я уж и то прикидывал: не через женский ли этот недоед и весь мировой кризис колом встал? Как вы полагаете?

* * *

– Вот и подумываю... А не перебраться ли мне со своим домашним табором на Нарву? Парижскую колбасную открою либо эстонский рюстик в Париж экспортировать начну...

Авось хоть там, в глуши, по-человечески живут, по-старому распустя пояса. Дамы так дамы, на сантиметры себя не разменивают.

Ухмыляетесь? И до Нарвы, стало быть, докатилось? Нда-с...

Поди, на Северном полюсе бабы-самоедки теперь сквозь обручальное кольцо туда и обратно пролезают. Мода. Ну, ладно...

Что же пива не пьете? Будьте здоровы! Как говорится – мертвому ямка, а живому мамка. Разбередил я себя только, лучше и не ковырять.